Магомедов Назим Абдурахманович, Иноземцева Елена Ивановна

ХАРАКТЕР ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОНТРАГЕНТОВ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVII-XVIII ВВ.

Опираясь на сведения архивных документов и литературных памятников, с учетом достижений отечественного кавказоведения, авторы делают попытку в рамках научной статьи осветить одну из важных составляющих актуальной проблемы кавказской экономической политики России, а именно таможенную политику контрагентов российско-северокавказской региональной и транзитной торговли в XVII-XVIII вв.; раскрыть механизм, характер и суть процессов торгово-экономических взаимоотношений России и народов, населявших Северо-Восточный Кавказ, в частности, Дагестан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 118-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

FARMERS' VIEW ON PROBLEMS OF FARMING MOVEMENT FORMATION IN CENTRAL BLACK EARTH REGION (BY THE MATERIAL OF LIPETSK DISTRICT)

Inna Viktorovna Logunova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Economics Theory and History
Financial University under the Government of the Russian Federation (branch) in Lipetsk
inna.logunova.12@gmail.com

The author researches the evolution of farmers' ideas about the problems of farming movement formation, according to one-time selective inspections of farms within Lipetsk region implemented by the State Committee for Statistics in 1993 and 2000 conducts the analysis of farmers' answers, reveals their views in relation to the factors that hinder the development of individual peasant farm in the 1990s, and groups these factors in order of their significance to farmers.

Key words and phrases: farmers; Lipetsk district; one-time selective inspections of farms; farmers' view; problems of farming movement formation.

УДК 9(Даг)1
Исторические науки и археология

Опираясь на сведения архивных документов и литературных памятников, с учетом достижений отечественного кавказоведения, авторы делают попытку в рамках научной статьи осветить одну из важных составляющих актуальной проблемы кавказской экономической политики России, а именно таможенную политику контрагентов российско-северокавказской региональной и транзитной торговли в XVII–XVIII вв.; раскрыть механизм, характер и суть процессов торгово-экономических взаимоотношений России и народов, населявших Северо-Восточный Кавказ, в частности, Дагестан.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; Северный Кавказ; Россия; Астрахань; Кизляр; Кизлярская пограничная таможня; пошлинные сборы.

Назим Абдурахманович Магомедов, д.и.н.
Елена Ивановна Иноземцева, к.и.н.
Отдел древней и средневековой истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский научный центр
Российская академия наук
aytberov@list.ru

ХАРАКТЕР ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОНТРАГЕНТОВ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVII–XVIII ВВ.©

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Сегодня чрезвычайную актуальность приобретает всестороннее освещение процесса, экономической, политической и культурной интеграции народов Северного Кавказа и России. Этот процесс был длителен, достаточно сложен и противоречив, но он был предопределен долговременными положительными перспективами, что, в конце концов, и привело к вовлечению Северно-Восточного Кавказа, в частности, Дагестана, в хозяйственно-экономический ритм России, во всероссийский рынок, стимулировало включение региона в товарно-денежные отношения, а это в свою очередь сыграло огромную роль в социально-экономическом развитии народов региона в целом.

Целью настоящей статьи является освещение одной из важных составляющих актуальной проблемы истории кавказской экономической политики России, позволяющей раскрыть механизм, характер и суть процессов торгово-экономических взаимоотношений и взаимовлияний контрагентов российско-кавказской торговли в XVII–XVIII вв.

Как известно, «пошлины возникли из поборов, взимавшихся феодалами с проезжающих через их владения торговцев, откупавшихся таким способом от ограбления; поборов, которые впоследствии взимались также городами и при возникновении современных государств являлись для казны удобнейшим средством добывать деньги» [8, с. 28]. Первоначально торговля была сухопутной, и купеческие караваны нуждались в остановках в пути. Места стоянок зачастую служили и местами торговли. Их использование стало сопровождаться уплатой податей. Часть взимавшихся податей и пошлин за провоз товаров шла на обустройство складов и содержание специальных служащих, следивших за порядком сбора.

© Магомедов Н. А., Иноземцева Е. И., 2012

Таможенные операции на Северном Кавказе традиционно активно и разносторонне развивались: сборы с провозимых товаров издревле являлись важной статьей доходов местных феодалов [6]. По свидетельству источников изучаемого периода, во всех феодальных владениях Северного Кавказа взимались многочисленные пошлины, размеры которых каждый владетель устанавливал произвольно. Так уже было заведено - в Дагестане, в Тарках, пошлину брали *шамхалы*, несколько южнее, в Бойнаке, ее требовал бойнакский владелец, далее, в Кайтаге, пошлину брал *уцмий*. Пошлина бралась обычно натурой: «со вьюка по киндяку (*вид восточной ткани – авт.*) да по бязи лощеной» или «со вьюка по 3 киндяка», благодаря чему в руках феодалов скапливались восточные товары, которые они затем перепродавали. Да и воеводы русской крепости Терки со своей стороны, чувствуя себя безнаказанными в далеком от столицы городе, занимались прямым вымогательством, гоняясь «за корыстью» и наживая себе «животы» [Там же, с. 304]. Морской путь вдоль западного побережья Каспия из Астрахани в Дербент и далее имел в этом отношении преимущества перед сухопутным, «...потому что емлют в горах кумыцкие и кабардинские и черкасские *князи и мурзы* с товаров их (*купцов – авт.*) пошлину десятую...» [13, с. 68].

Как сообщал Д. И. Тихонов, дагестанские феодальные владетели – тарковский *шамхал и* кайтагский *уцмий* брали пошлину не только со всех товаров, провозимых через их владения, но и с людей «на лошади верхом едущего и пешим россиян, армян и жидов с каждого по 1 руб.» [11, с. 135]. «Понеже широта реки Койсу (*р. Сулак – авт.*) и нижние ее берега не позволяют через мост иметь сообщение, то в разных местах на паромах по ней переезжают; каждой верховой человек за перевоз должен заплатить на ружейный заряд пороху и свинцовую пулю, а каждая повозка платит 15 коп.», – сообщал о переправе через р. Сулак в Эндирейском владении Я. Рейнеггс [3, с. 255].

Так же поступали и владетели Тарки, Костека, Аксая (*центры феодальных владений плоскостного Дагестана – авт.*), чем вызывали недовольство российской администрации в крепости Кизляр и российских купцов. На протяжении второй половины XVIII в. вопрос о сборе пошлин муссировался в переписке кизлярских властей и дагестанских владетелей. В 1765 г. аксайский владетель сообщал кизлярскому коменданту: «...через бегоулов своих по отцовским обычаям надлежащую пошлину берем...» [14, д. 595, л. 65]. В 50-х годах XVIII в. пошлина в Тарковском *шамхальстве*, судя по архивным данным, составляла с каждой арбы – 1 р. 80 коп. Но уже с 1762 г. *шамхал* Муртузали и его брат, владетель Бойнака Баммат, за провоз товаров и «препровождение их через опасные места» стали брать по 8–9 руб. Это обстоятельство обусловило недовольство и жалобы кизлярских купцов на имя кизлярского коменданта А. А. Ступишина [Там же, л. 81]. В марте того же 1762 г. Ступишин обращался к *шамхалу* с письмом, где писал, что последний своими действиями нарушает трактат (*Рештский договор 1739 г. – авт.*), по которому в «произвождении купечества всякая вольность и взаимовспоможение положено...» [Там же, д. 524, л. 143]. И далее в письме указывалось, чтоб с проезжих купцов «лишних пошлин не взимали и напрасного разорения не чинили». *Шамхал* же объяснял свои действия тем, что раньше «...купцы российские ездили с малым товаром, потому и пошлина прежде малою бралась, а ныне купцы возят шелк и протчие шелковые и бумажные товары и на каждой арбе бывает по цене на тысячу и более» [Там же, л. 106]. Спустя три десятилетия Д. И. Тихонов отмечал, что во владениях *шамхала и уцмия* взимают пошлины «серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы оная нагружена не была товаром, по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда – 2 руб. 50 коп., с канцелярского семя – 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20 голов по одной овце и скоту, с рыбы с 10 – по одной же» [11, с. 135].

Пошлины в Дербентском ханстве были разнообразны и многочисленны. Наиболее доходными статьями ханской казны в XVIII в. были: «мизанный сбор» (т.е. за взвешивание товаров), сбор от продажи скота – «казабханская статья» [7, с. 70]. Главной доходной статьей оставался «рахтарный», т.е. таможенный сбор. Этот сбор опутывал густой сетью всю торговлю, поэтому часто под именем «рахтарных» сборов подразумевали вообще всевозможные поборы. В целом сбор их был четко отрегулирован. С тканей и мягких изделий пошлина бралась в расчете с вьюка. Взыскивались эти обложения деньгами. Чем дороже стоил ввозимый товар, тем выше были пошлинные проценты или сборы. Наиболее высокими были пошлинные сборы с шелка и шелковых изделий, с хлопчатой пряжи, с привозной меди, пороха, серы, селитры, железа. Налоги или пошлины платились и за пользование дербентскими лавками. Приезжий купец за пользование большой лавкой для продажи своих товаров платил от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 40 коп. в зависимости от размера лавки. Был определен и срок пользования лавкой – 15 дней. Даже вывоз обратно непроданного в Дербенте товара не обходился без уплаты пошлины. Для торговцев был особенно ненавистен налог «бадж», который взимался с проезжих купцов за провоз товаров по торговым путям, у городских ворот и на пристани Дербента [Там же, с. 76]. Не облагались пошлинами лишь пшеница, рис и ячмень как продукты первой необходимости.

Таким образом, в Дербентском ханстве пошлинами облагались, по существу, все вывозившиеся и ввозившиеся товары. Параллельно с ростом объема торговых операций рос и объем «рахтарных» сборов, пополнявших ханскую казну. «Хан дербентский, – читаем в описании Дербента, – годового денежного дохода от пошлин с монетных и рахтарных доходов, лавок, фабрик, с привозных товаров и прочего собирающегося в городе Дербенте получает серебром... деньгами на 20000 и более рублей» [1, с. 145].

В письме кизлярскому коменданту А. А. Ступишину от 9 апреля 1763 г. чеченские владельцы Расланбек, Бардыхан, Мамат Айдемировы выражали недовольство действиями владельца Девлет-Гирея Черкасского, который брал пошлины с горцев, проезжавших через его владения для торговли с гребенскими казаками, что он «...через дорогу в урочище, называемое Келзели (*читай: Герзель – авт.*), не пропустил и от кунаков

наших, купцов, с каждой лошади требует по 20 копеек, а ездить нам через Червленский городок не допустил...» [14, д. 3263, л. 2 об.].

В свою очередь в Российском государстве существовала довольно развитая система таможенных сборов. Пошлины были разнообразны, «явка» - сбор с торговца за явку товара на заставе, «анбарное» – за наем складского помещения, «контарное» – за взвешивание на весах и т.д., и т.п. [8, с. 27].

Терский город в XVII в. – важный центр экономических связей России с народами Северо-Восточного Кавказа, а также транзитной торговли с Персией – получал значительные таможенные доходы. Не случайно между терскими воеводами и кабардинскими князьями Черкасскими, жившими в Терском городе, завязалась тяжба о торговой пошлине, закончившаяся тем, что в 1678 г. Каспулат Черкасский вместо денежного и хлебного жалованья получил от Московского правительства право сбора таможенных пошлин. Царь Федор Алексеевич в жалованной грамоте предписывал вместо «голов и целовальников», собиравших пошлины с горских и приезжих торговых людей, впредь эти обязанности возложить на Каспулата Муцаловича до самой смерти. При этом предписывалось, чтобы горским и приезжим торговым людям «не было обид, разорения и утеснения» [4, с. 140, 365].

В крепости Святого Креста, сменившей Терскую крепость, существовала Гражданская канцелярия и таможня, зорко следившие за ввозимыми и вывозимыми товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей, выдававшие письменные разрешения на выезд в другие российские города и государства.

В 1755 г. в Кизляре, как в пограничном городе, была учреждена пограничная таможня для контроля над ввозимыми из стран Востока и Кавказа товарами и взимания с них торговой пошлины. В первое время таможня и карантин находились при самом Кизляре у городской переправы через р. Терек. Но затем для большей безопасности от болезни карантин и таможня были перенесены на правый берег реки в 10 верстах к югу от городской переправы у Лащуринского форпоста.

На новом месте были построены необходимые помещения для торговцев и товаров, а также обслуживающих карантин и таможню чиновников и охранной команды. Здесь товары подвергались таможенному досмотру и окуриванию (с целью дезинфекции), после чего их разрешали ввозить в Кизляр и далее - в Россию или, наоборот, вывозить из Кизляра в феодальные владения Северо-Восточного Кавказа. До паромной переправы через Терек купцов сопровождал конвой казаков.

Изучая записи явок торговыми людьми товаров для провоза их в Астрахань Кизлярской пограничной таможни, мы обнаружили фиксацию таких таможенных сборов как пограничные - по 10 копеек с рубля, на содержание застав по 2 копейки, «ансиденции» - по 4 копейки, внутренних - по 13 копеек с рубля, да с каждого пошлинного рубля - по 2 копейки в пользу городов. «Из... города Дербента, – говорится в документе, – привезенному 24 пуд. шелку-сырца на 1440 руб. и отправляемому через Кизляр в Астрахань облагаться пошлиной по таксе не положено, кроме по указу правительствующего Сената 1777 г. на содержание в Персии консула…» [10, с. 220–222].

Таким образом, в изучаемый период в бюджете Российской абсолютистской монархии важное место занимали доходы от сбора пошлин. Правительство всеми мерами пыталось увеличить доходы от таможенного обложения. Если при императрице Елизавете пограничные таможни России доставляли казне свыше 900 тыс. руб., то в начале царствования Екатерины II таможенные сборы составляли свыше 2 млн руб. [8, с. 35]. Понятно, что царская администрация придавала большое значение таможенной службе и в изучаемом нами регионе, имея значительные прибыли с пошлин в государственную казну. Так, в 1762 г. с привезенных из «горских деревень» в Кизляр товаров, по сообщению архивных документов, была собрана пошлина в размере 2608 руб. 80 коп., в 1763 г. – 2986 руб. 55 коп., а с вывезенных из Кизляра товаров в 1762 г. – в размере 2717 руб. 72 коп. [5, с. 231–234].

Судя по архивным документам, таможенная администрация Кизляра вопреки государственным указам о невзимании пошлин с российских подданных, злоупотребляла своею властью и требовала их с жителей Эндирея, Аксая, Костека и др., что вызывало справедливое возмущение и жалобы последних в адрес кизлярского коменданта. Еще в 1755 г. костекский владелец Алиш Хамзин и аксайский князь Каплан-Гирей Ахматханов писали кизлярскому коменданту, что они вместе со своими подвластными являются подданными России, «а когда де их подвластные, приезжая в Кизляр, покупают лошадей, быков, баранов и протчее, то с них требуют пошлину и через то они против россиян несут обиду» [9, д. 564, л. 1].

Местная российская администрация была вынуждена считаться с недовольством дагестанских и кабардинских владетелей. Этот вопрос был решен на уровне правительства, которое было заинтересовано в дальнейшем укреплении торговых отношении с народами Северо-Восточного Кавказа и рассматривало их как одно из средств укрепления своего влияния в регионе. Был предпринят ряд мер по организации и урегулированию торговли в регионе.

В 1791 г. тарковский шамхал обращался с ходатайством к императрице Екатерине II о возвращении на пост директора кизлярской таможни асессора И. Петрова, которого горцы хорошо знали, он снискал их расположение и уважение. «Во владении моем... скудные и маломочные народы были оным директором и довольны, и благодарны...», а при новом директоре «маломочные промышленники и протчие стали терпеть притеснение и затруднение...» [2, д. 472, л. 14], – писал шамхал. В ответ на эту просьбу тарковского владетеля президент Коммерцколлегии граф А. Р. Воронцов писал, что кизлярской и астраханской таможням предписано оказывать «всякую справедливость и ласковость приезжающим туда для торга подвластным вам народам, не делая им впредь никаких обид и притеснений... ибо желание... нашей монархини есть таково,

чтобы как подвластные вам, почтеннейший приятель мой, дагестанцы, так и протчие соседственные народы... могли в полной мере пользоваться всякою свободою торговли» [Там же, л. 19–21].

Изучение архивных документов подтверждает тот факт, что царская администрация в Кизляре использовала таможенную политику в качестве экономического рычага для решения некоторых политических вопросов. Существовала своего рода система запретов и льгот в зависимости от политических соображений: кто из местных владетелей придерживался российской ориентации, тот мог рассчитывать на некоторые привилегии.

В 1790 г. правитель Кавказского наместничества С. Брянчанинов в ответ на неоднократные просьбы тарковского *шамхала* и *хана* Дербента поставил перед правительством вопрос об освобождении от пошлин их товаров, привозимых в Кизляр и Астрахань, считая необходимым «возбудить» в них верность к российскому престолу и «удалить» их от соглашения с Турцией, Брянчанинов предлагал «хотя бы на то время, пока кончитца с Портою продолжающаяся ныне война, позволить... им принадлежащие вещи пропускать без пошлин» [Там же, д. 484, л. 335–336]. Предложение это было поддержано правительственными кругами, и Брянчанинову в том же 1790 г. был направлен указ, разрешавший кавказцам, в том числе и дагестанским владетелям, привозить в Кизляр и Астрахань товары без уплаты пошлин. Но были поставлены условия, заключавшиеся в том, чтобы не вывозились всякого рода запрещенные (заповедные) товары. Кроме того, размер пошлины, от которой они освобождались, не должен был превышать 300 руб. в год [Там же, л. 333].

Будучи действительно заинтересованной в дальнейшем развитии торгово-экономических взаимоотношений с горцами Северо-Восточного Кавказа и делая для этого все возможное, Россия старалась взять под свой контроль этот процесс и извлечь из этого максимальные выгоды, как политические, так и экономические. Стараясь завоевать расположение и доверие феодальных владетелей Дагестана, российская администрация в Кизляре проявляла внимание к их просьбам, стремилась удовлетворить их, предоставляя разного рода льготы, выступая в качестве своего рода третейского судьи, лавируя между сталкивающимися интересами владельцев различных феодальных владений Дагестана. Озабоченная желанием усилить свое влияние среди них, кизлярская администрация использовала самые разнообразные экономические рычаги.

Но более существенным проявлением так называемой «политики ласкания» в этот период следует, вероятно, рассматривать разрешение российских властей вывозить на Кавказ, в том числе и в Дагестан, железо, которое относилось к числу «заповедных», т.е. запрещенных к вывозу на Восток товаров.

Развивающееся ремесленное производство и хозяйственные потребности в дагестанских владениях испытывали острую нужду в привозном русском железе. Кизлярская администрация ловко использовала данное положение с металлом в качестве экономического рычага, разрешая отпуск большего или меньшего количества металла тому или иному владетелю Дагестана. Лишь в 1798 г. был издан указ, разрешивший вывоз металла (кроме военных снарядов) из Астрахани и Кизляра на Кавказ, хотя представителями передовой экономической мысли России еще в 1761 г. было рекомендовано правительству: «ближайшее средство к получению в государстве денег, а именно: тотчас отныне… позволить все те здешнего продукта товары за море отпускать, кои каким-либо образом доныне запрещены были». Они считали особенно выгодным для казны увеличить экспорт леса и железа. «Политически и экономически крайне нужно, пещась об увеличении вывоза железа за границу,… чтоб сей знатной и собой уже полезной торг сделать еще полезнейшим» [12, с. 182–183], – говорится в документе.

Приведенный выше фактический материал позволил прийти к заключению, что в XVII–XVIII вв. продолжал развиваться процесс взаимовыгодного и взаимообусловленного торгово-экономического интегрирования народов Северного Кавказа и России. Важное место в этом процессе отводилось таможенной политике контрагентов, представлявшей собой систему разнообразных пошлинных сборов. Таможенная политика северокавказских феодалов носила фискальный характер и преследовала цель личного обогащения. Российское правительство было заинтересовано в дальнейшем развитии и укреплении торгово-экономических взаимоотношений с народами региона и делало все от него зависящее, чтобы завоевать расположение и доверие местной феодальной элиты, предоставляя им и их подвластным различного рода льготы.

Список литературы

1. **Абдуллаев Г.** Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. 622 с.
2. **Архив внешней политики Российской империи.** Ф. Сношения России с Персией 1792–1798 гг. Оп. 77/6.
3. **Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв.** Махачкала, 1992. 303 с.
4. **Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы.** М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. 478 с.
5. **Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы.** М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 424 с.
6. **Кушева Е. Н.** Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
7. **Магомедов Н. А.** Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 64–80.
8. **Марков Л. Н.** Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. 157 с.
9. **Российский государственный архив древних актов.** Ф. Коммерцколлегия. Оп. 1.
10. **Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.** / под ред. В. Г. Гаджиева. М.: Наука, 1988. 385 с.
11. **Тихонов Д. И.** Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева. М., 1958. С. 125–137.
12. **Троицкий С. М.** Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 275 с.
13. **Тушин Ю. П.** Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. 183 с.
14. **Центральный государственный архив Республики Дагестан.** Ф. 379. Оп. 1.

CHARACTER OF COUNTERAGENTS' CUSTOMS POLICY OF RUSSIAN - NORTH CAUCASIAN TRADE IN THE XVIITH–XVIIITH CENTURIES

Nazim Abdurakhmanovich Magomedov, Doctor in History
Elena Ivanovna Inozemtseva, Ph. D. in History
Department of Dagestan Ancient and Medieval History
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center
Russian Academy of Sciences
aytberov@list.ru

Basing on archival documents and literary works data and taking into consideration the native Caucasian studies achievements, within the framework of this scientific article the authors undertake the attempt to cover one of the most important components of the topical problem of Russia's Caucasian economic policy, namely counteragents' customs policy of Russian - North Caucasian regional and transit trade in the XVIIth-XVIIIth centuries, and reveal the mechanism, character and essence of the processes of trade-economic relations between Russia and the peoples, who inhabited North-Eastern Caucasus, in particular Dagestan.

Key words and phrases: Dagestan; North Caucasus; Russia; Astrakhan'; Kizlyar; Kizlyar Border Customs; customs dues.

УДК 008.001.5:316.7(1-21).001.5
Исторические науки и археология

В статье предпринимается попытка осмысления основных подходов к изучению социокультурного пространства города, начиная с работ П. Сорокина и заканчивая современной практикой, сложившейся в гуманитарном знании. Автором рассматривается специфика российского интеллектуального «фона», на котором с 1990-х гг. наблюдаются активные поиски междисциплинарных вариантов создания собирательного образа города. Дается характеристика основных линий движения исследовательской мысли, обозначены несколько центров, где, опираясь на локальный материал, внедряются разные варианты моделей изучения социокультурного пространства города.

Ключевые слова и фразы: социокультурное пространство города; гуманитарное знание; междисциплинарные исследования.

Ирина Геннадьевна Малкова, к.и.н., доцент
Кафедра социально-гуманитарных наук
Южно-Уральский государственный университет
malkovaig@mail.ru

ОСНОВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА©

Исследование выполнено при поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 11-11-66004 а/У РГНФ.

Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется обновлением научного языка описания и объяснения реальности, усилением междисциплинарных связей, выявлением новых тенденций и процессов.

После длительного периода, когда пространственные аспекты игнорировались социальными учеными, за исключением географов, в современной теории возникло что-то вроде моды на «пространственную» тематику.

Философский подход к анализу категории «пространства» дает его целостное, онтологическое понимание в представлении его как объема, вместилища всего сущего, и как упорядоченности вещей и предметов в пространстве. Введение человека в «пространство» позволило сформироваться новому научному пониманию пространства. Это пространство, в котором существует человек и общество, и оно изменяется во времени.

Если физическое (геометрическое) пространство трехмерно, то социальное пространство – многомерно и разнокачественно, поскольку существуют разнообразные виды (сферы) жизнедеятельности людей со своими специфическими взаимодействиями и множество группировок людей по социальным признакам, которые пространственно не совпадают друг с другом. То есть социальное пространство обладает неевклидовой метрикой.

Наиболее четкая формулировка социального пространства принадлежит П. Сорокину, впервые обосновавшему еще в 20-х гг. XX в. необходимость представить все многообразие социальных процессов в особом социальном пространстве. Он убежденно постулировал, что: «…1) социальное пространство – это народонаселение Земли; 2) социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами; 3) положение человека в социальной вселенной

© Малкова И. Г., 2012